

УДК 930.26
DOI 10.17223/19988613/43/3

А.М. Илюшин

ЗАПАДНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ КИПЧАКИ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию культурно-исторического феномена Дешт-и-Кипчак в истории развитого средневековья степей и лесостепей Евразии на основании новых археологических материалов. Описаны подходы в исследовании археологических материалов кочевников этого периода в Восточной Европе и Сибири. Ставится вопрос о необходимости пересмотра сложившихся стереотипов в интерпретации миграционных потоков кочевников Дешт-и-Кипчак только в одном направлении с востока на запад. Обобщаются результаты археологических исследований, которые свидетельствуют, что миграция кипчаков и носителей их культуры осуществлялась не только на запад, но и на восток, что привело к расширению территории Дешт-и-Кипчак от Дуная до Байкальской Сибири.

Ключевые слова: Дешт-и-Кипчак; развитое Средневековье; миграции; запад; восток.

Новые знания в исследовании кипчакского культурно-исторического феномена в период развитого Средневековья истории Степной Евразии во многом формируются за счет пополнения археологических материалов. Письменные источники в основной своей массе известны широкой научной аудитории и их массив практически не изменяется. Совсем по-другому обстоит дело с вещественными источниками по истории и культуре бесписьменных этносов, входивших в Дешт-и-Кипчак, которые изначально играли второстепенную роль, а сейчас за счет увеличения базы данных постепенно занимают лидирующее место в исследовании различных исторических и этнокультурных процессов. Неравномерная база источников по истории поздних кочевников привела к тому, что восточноевропейские археологические материалы преимущественно исследовались на уровне этнокультурных (печенеги, огузы, торки, половцы) [1–4 и др.] или типолого-хронологических комплексов развитого Средневековья [5 и др.], а сибирские – на уровне систематизации региональных археологических культур (сросткинская, басандайская, шандинская, аскизская, ладейская, усть-талинская и др.) и эпизодически этнокультурных комплексов (кимаки, огузы, кыргызы, кипчаки, теленгуты, кыштымы и др.) [6. С. 145–152; 7; 8; 9. С. 176–178; 10. С. 54–84; 11–13; 14. С. 120–126; 15. С. 147–214; 16–20; 21. С. 98–120; 22. С. 138–153; 23. С. 122–133; 24. С. 130–132; 25. С. 220–233; 26. С. 97–105; 27. С. 103–118; 28. С. 276–331; 29. С. 44; 30 и др.]. В этой связи возникла рыхлая структура восприятия культурно-исторического феномена Дешт-и-Кипчак, который в предмонгольский период истории (с конца X–XI до начала–середины XIII в.) охватил огромную территорию по поясу пустынь, степей и лесостепей от Байкала до Дуная, практически подготовил и обеспечил великодержавие монголов на Евразийском континенте.

До недавнего времени считалось, что кипчаки после распада кимакского государства, располагавшегося в предгорьях Северо-Западного Алтая, в верхнем и среднем течении р. Иртыш, двинулись на запад. С 1030 г. они стали соседями Хорезма, приведя в дви-

жение племена огузов, ранее проживавших на этих землях, а затем по следам последних заняли территории Казахстана, Южного Урала и восточноевропейские степи. В результате этих миграционных потоков на степных и лесостепных просторах Западной Евразии появились многочисленные кипчакские орды и их объединения. Для обозначения этого культурного феномена в арабских и персидских источниках развитого Средневековья стали употреблять термин Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь) для этнополитической атрибуции территорий. Эта гипотеза в различных интерпретациях представлена в трудах разных авторов, вошла во многие энциклопедические, справочные издания и легла в основу интерпретации материалов многих археологических исследований [3. С. 213–222; 31; 32. С. 67; 33. С. 46–53; 34. С. 181–197; 35. С. 190–193; 36. С. 194–200; 37. С. 200–207; 38; 39. С. 149–169, рис. 50; 40; 41 и др.]. Однако появление новых археологических материалов и их систематизация позволяют ставить вопрос о том, что процессы последовательной миграции различных кочевых этносов в западном направлении были не столь прямолинейными. Более того, можно утверждать следующее:

1) миграционные потоки не были «этнически чистыми», они представляли собой скоротечные союзы (орды) из различных племен и этнических групп во главе с ведущим этносом;

2) социокультурная динамика была настолько высокой, что миграции одних и тех же этнических групп могли проходить в короткий исторический промежуток времени (в пределах 100 лет) в противоположных направлениях при их возвращении на «историческую родину»;

3) миграционные потоки кипчаков и носителей их культуры были не только в западном, но и в восточном направлении.

На это указывают факты наличия смешанных огузско-печенежских могильников [4. С. 92–97], присутствия кипчакского этноса в составе так называемых огузских племен на западных территориях уже в начале XI в. [36. С. 83], географическое удаление носителей одинаковых этнонимов (кумандинцы – команы, черные клобуки –

каракалпаки, шоры – шорцы), многочисленные аналогии в погребальном обряде и предметном комплексе, а также значительные миграционные потоки кипчакских племен в восточном направлении [9. С. 176–178; 11. С. 84; 12. С. 125–126; 14. С. 130–131; и др.]. Последнее имеет принципиальное значение для характеристики этнокультурных и исторических процессов в предмонгольский (кипчакский) период истории Центральной Азии.

Цель статьи – доказать наличие миграций кипчаков и носителей их культуры на восток, что привело к расширению территории Дешт-и-Кипчак до Байкальской Сибири, которая в монгольский период истории стала восточной окраиной Золотой Орды [42. С. 109–111; 43. С. 194–200]. Для достижения этой цели будут использованы методы компилятивного описания новых открытий и их сравнительно-исторический анализ.

Первыми восточными территориями под властью кипчаков стали просторы степного и лесостепного Алтая, где предмонгольский период истории связывают с третьим (шадринцевский) и четвертым (змеевский) этапами развития сросткинской культуры, когда кипчакский компонент начинает преобладать над местным смешанным самодийско-тюркским в степи, вытесняя его в лесостепь. Этот процесс объясняют усилением собственно кипчакских племен в Кимакском каганате, а после его распада – с их широкой миграцией на соседние земли в восточном и западном направлениях [9. С. 176–178; 10. С. 60].

Затем было Верхнее Приобье, где памятники X–XIV вв. А.А. Адамов тоже отождествляет со сросткинской археологической культурой и выделяет три ее локальных варианта – Новосибирский, Томский и Кузнецкий. В развитии сросткинской культуры носителями которой, по мнению исследователя, являлись кипчаки, он фиксирует два хронологических этапа: X–XII и XIII–XIV вв. Согласно авторской версии, на первом этапе сросткинцы продвинулись в пределы Кузнецкой котловины, Новосибирского и Томского Приобья, вытеснив и частично ассимилировав местное население носителей верхнеобской археологической культуры. Поэтому на втором этапе развития сросткинской археологической культуры в Верхнем Приобье смены населения не было, так как оно было тюркским (кипчакским), на основе которого в последующем сформировались томские татары [11. С. 76–84]. В последующем также было отмечено, что на территории Новосибирского Приобья монгольское завоевание начала XIII в. не внесло больших изменений в культуру степного населения, которое по-прежнему оставалось в основном тюркоязычным (кипчакским) [44. С. 91]. Другую версию проникновения кипчакского этноса в Верхнее Приобье предложила Л.М. Плетнева. Она выделила на территории Томского Приобья басандайскую археологическую культуру XI–XIV вв. с большой долей присутствия кипчакского компонента и предположила, что территория этой культуры может быть расширена за счет Среднего Приобья и Новосибирского Приобья, а томские татары являются прямыми потомка-

ми этнических групп носителей этой культуры [12. С. 117–131]. В последующем эту точку зрения разделили и другие коллеги. Было предложено рассматривать Верхнее Приобье в развитом Средневековье как территорию басандайской этнокультурной кипчакской общности [45. С. 91–94], которую в дальнейшем было предложено интерпретировать как Верхнеобская орда восточного Дешт-и-Кипчак [46. С. 130–132]. При публикации новых археологических материалов раскопок погребальных памятников развитого Средневековья из Новосибирского Приобья авторы монографического исследования объединили их с синхронными материалами Томского Приобья в рамках басандайской археологической культуры. При этом в ней были зафиксированы как местные, так и пришлые компоненты, а некоторые различия в материалах конкретных памятников объяснились их принадлежностью к определенным субэтносам более крупной этнокультурной общности [13. С. 338–339]. Кроме этого, в Верхнем Приобье на территории Кузнецкой котловины была выделена самостоятельная шандинская археологическая культура тюркоязычных кочевников XI–XIV вв., которая была пришлой, а ее появление объяснялось массовой миграцией тюркоязычных (кипчакских) групп населения [14. С. 120–126].

Следующим регионом в движении на восток было Среднее Причулымье, где при исследовании погребальных памятников X–XIII вв. наряду с местным и пришлым кыргызским компонентами в культуре фиксируется присутствие кипчакского компонента на вторых ролях [47. С. 150]. Далее на восток на территории Канско-Ачинской лесостепи фиксируется ладейская культура VII–X – XIII–XIV вв., которая до сих пор изучена не достаточно полно. При этом фиксируется факт, что на рубеже I и II тыс. в этом регионе происходит смена культурных традиций, связанная с усилением кыргызов и появлением культурных компонентов из Среднего Причулымья и Западной Сибири [17. С. 217–219]. Далее на восток Байкальская Сибирь, где в верховьях Ангары и Лены открыты памятники усть-тагинской археологической культуры тюркоязычных кочевников (кипчаков), которая стала складываться в конце XI – начале XII в. и легла в основу этногенеза якутского этноса [48. С. 106–173]. По совокупности элементов погребального обряда эта культура очень близка культуре тюркских (кимако-кипчакских) племен Саяно-Алтая, Верхнего Приобья и Прииртышья, и даже завоевание монголами Предбайкалья в XIII в. не повлекло за собой переселения или уничтожения этих культурных традиций [18. С. 146–149]. Крайним восточным пунктом, куда добралась культура Дешт-и-Кипчак, является территория ближнего Забайкалья, где на уровне археолого-этнографических источников фиксируется ее присутствие, а кипчакский этнический компонент принял участие в этногенезе бурят [49. С. 185–186].

К сожалению, отсутствие узких дат для закрытых археологических комплексов развитого средневековья юга Западной и Средней Сибири не позволяет однозначно ответить на вопрос: «Сколько миграционных волн кипча-

ков и носителей их культуры было в восточном направлении за этот период»? Явно лишь то, что миграция носителей кыпчакской культуры в этот регион шла с запада, и эта территория с ее пришлым населением оказалась в зоне влияния культурного пространства Среднего Востока, которое объединяло тюркоязычных кочевников развитого средневековья от Байкала до Дуная. Наиболее вероятной причиной наблюдаемого явления стали геополитические события в Центральной Азии, в результате которых носители кыпчакской культуры вынуждены были покинуть свои традиционные места проживания и искать новые на северной периферии Саяно-Алтая.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что культурно-исторический феномен Дешт-и-Кипчак в период

истории развитого средневековья степей и лесостепей Евразии сформировался и существовал в результате миграции тюркоязычных (кыпчакских) этнических групп не только на запад, но и на восток. Происходило это на всем протяжении периода развитого средневековья под воздействием геополитических событий в Центральной Азии, которые определяли стартовую площадку, контингент, направление и динамику миграции. Этот феномен оказался в зоне влияния культурного пространства Среднего Востока, что способствовало формированию единой кыпчакской культуры тюркоязычных кочевников развитого средневековья от Байкала до Дуная, а противоположные направления миграционных потоков привели к появлению Восточного и Западного Дешт-и-Кипчак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л. : Наука, 1958. № 62. С. 151–226.
2. Плетнева С.А. Древности черных клобуков // Свод археологических источников. М. : Наука, 1973. Вып. Е1–19. 96 с.
3. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 213–222.
4. Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам коченического могильника у Саркела – Белой Вежи). М., 1990. 102 с.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во МГУ, 1966. 274 с.
6. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л. : Наука, 1956. № 48. 198 с.
7. Неверов С.В. История племен сродстинской культуры в VIII–XII вв. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 19 с.
8. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сродстинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII–XII вв. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 24 с.
9. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сродстинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археологическом этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII ЗСАЭК. Томск, 2001. С. 176–178.
10. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху Средневековья: иллюстрированный исторический атлас : учеб. пособие. Барнаул : ООО «Печатная компания АРКТИКА», 2011. 136 с.
11. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : Изд-во ОГПУ, 2000. 256 с.
12. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.
13. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
14. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
15. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск : Наука, 1982. 240 с.
16. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Свод археологических источников. М. : Наука, 1983. Вып. Е3–18. 128 с.
17. Фокин С.М. Культурно-исторические процессы в раннем и развитом Средневековье Красноярской лесостепи : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 24 с.
18. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Владивосток ; Иркутск, 2004. 304 с.
19. Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 43–45.
20. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.
21. Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул : Изд-во АГУ, 2015. 224 с.
22. Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2004. № 12. С. 138–153.
23. Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа : БФАН СССР, 1986. С. 122–133.
24. Арсланова Ф.Х. Курганы кыпчаков у села Леонтьевка // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана, 2013. Т. 3. С. 130–132.
25. Трифонов Ю.И., Алексин Ю.П., Илюшин А.М. Новые археологические материалы по истории кыпчаков Казахстана // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово ; Гурьевск : Изд-во КузГТУ, 1998. С. 220–233.
26. Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 97–106.
27. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
28. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Фил. фак-т СПбГУ, 2005. 346 с.
29. Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1993. 116 с.
30. Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура // Труды Кузнецкой комплексной археологическо-этнографической экспедиции. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2014. Т. 8. 216 с.
31. Кудряшов К.В. Половецкая степь. М. : Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948. 170 с.
32. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам. Алма-Ата : Наука, 1972. 156 с.
33. Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1980. С. 46–53.
34. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы : Кылым, 1999. 296 с.
35. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 190–193.
36. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 194–200.
37. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 200–207.
38. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука, 1988. 96 с.

39. Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья (IV–XIII века) : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. 248 с.
40. Бисембаев А.А. Погребальный обряд кочевников Средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2000. 160 с.
41. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
42. Илюшин А.М. К вопросу о восточной границе Золотой Орды // Форум «Идель – Алтай» : материалы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай»: истоки евразийской цивилизации, I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 109–111.
43. Илюшин А.М. Восточные кипчаки и Золотая Орда (к вопросу о границах улуса Джучи) // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие : сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения академика Национальной Академии наук Республики Казахстан Карла Молдахметовича Байпакова. Алматы, 2010. С. 194–200.
44. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины : учеб. пособие. Новосибирск : НГПУ, 2004. 136 с.
45. Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого Средневековья (по материалам Кузнецкой котловины) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск : ОмГУ, 1998. С. 91–94.
46. Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность как Верхнеобская орда восточного Дешт-и-Кыпчак // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. С. 130–132.
47. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
48. Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Якутск : Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.
49. Дашибалов Б.Б. Бурятские погребения XVI–XVII вв. (кыпчаки в этногенезе бурят и якутов) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы ; Омск : Издательский дом «Наука», 2004. С. 185–186.

Ilyushin Andrey M. Kuzbass State Technical University of name T.F. Gorbachev (Kemerovo, Russia). E-mail: ilushin1963@mail.ru

THE WESTERN AND EAST KIPCHAK ON ARCHEOLOGY MATERIALS.

Keywords: Desht-i-Kipchak; the developed Middle Ages; migrations; West; East.

In the article the cultural and historical phenomenon of Desht-i-Kipchak in the history of the developed Middle Ages of steppes and forest-steppes of Eurasia on the basis of new archaeological materials is investigated. Approaches in research of archaeological materials of nomads of this period in Eastern Europe (through ethnocultural and/or tipologo-chronological complexes) and Siberia are described (through regional archaeological cultures and ethnocultural complexes). The author raised a question of the necessity of revision of the developed stereotypes for interpretation of migratory flows of nomads of Desht-i-Kipchak only in one direction from the East to the West. On the basis of new archaeological materials the facts that migratory streams were not “ethnically pure” and represented the transient unions (hordes) from different tribes and ethnic groups led by the leading ethnoses are given. Besides numerous evidences that migratory streams of Kipchak and carriers of their culture were not only in the western, but also eastern direction are provided. Among the territories which entered in Desht-i-Kipchak as a result of migration to the east of Turkic-speaking nomads of carriers of kipchak culture there were open spaces of steppe and forest-steppe of Altai, Upper Ob region (Novosibirsk and Tomsk Ob region, Kuznetsk Basin), Middle Tchuylm gerion, the Kansk and Achinsk forest-steppe, Cis-Baikal and Transbaikalia. Migratory processes proceeded throughout the period of the developed Middle Ages under the influence of geopolitical events in Central Asia which defined a launch pad, the contingent, the direction and dynamics. The author came to the conclusion that the cultural and historical phenomenon of Desht-i-Kipchak in the period of history of the developed Middle Ages of steppes and forest-steppes of Eurasia was created and existed as a result of migration the Turkic-speaking (kipchak) ethnic groups not only to the West, but also the East. This phenomenon appeared in a zone of influence of cultural space of the Middle East that promoted formation of kypchak culture of Turkic-speaking nomads of the developed Middle Ages from Baikal to Danube, and opposite directions of migratory streams led to emergence of East and Western Desht-i-Kipchak.

REFERENCES

1. Pletneva, S.A. (1958) Pechenegi, torki i polovtsy v yuzhnorusskikh stepyakh [Pechenegs, Cumans and Torkils in the southern Russian steppes]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*. 62. pp. 151–226.
2. Pletneva, S.A. (1973) *Drevnosti chernykh klobukov* [Antiquities of the Black Hats]. Moscow: Nauka.
3. Pletneva, S.A. (1981) Pechenegi, torki i polovtsy [Pechenegs, Cumans and Torkils]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 213–222.
4. Pletneva, S.A. (1990) *Pechenegi i guzy na Nizhnem Donu (po materialam kochenicheskogo mogil'nika u Sarkela – Beloy Vezhi)* [The Pechenegs and Torkils on the Lower Don (a case study of the nomad burial at Sarkel-Belaya Vezha)]. Moscow: Institute of Archeology RAS.
5. Fedorov-Davydov, G.A. (1966) *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans]. Moscow: Moscow State University.
6. Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The history of ancient tribes of the Upper Ob from excavations near the village Bolshaya Rechka]. Moscow, Leningrad: Nauka.
7. Neverov, S.V. (1998) *Istoriya plemen srostkinskoy kul'tury v VIII–XII vv. n.e.* [The history of Srostki cultural tribes in the 8th–12th centuries AD]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
8. Kondrashov, A.V. (1998) *Izucheniye pogrebal'nogo obryada i sotsial'noy organizatsii naseleniya srostkinskoy kul'tury (po materialam arkhologicheskikh pamyatnikov yuga Zapadnoy Sibiri serediny VIII–XII vv. n.e.)* [The funeral rites and social organization of the Srostki culture (a case study of the archaeological sites in the south of Western Siberia in the middle of the 8th – 12th centuries AD)]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
9. Neverov, S.V. & Gorbunov, V.V. (2001) [The Srostki Culture (periodization, area, componenta)]. *Prostranstvo kul'tury v arkhologo-etnograficheskoy izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [Cultural space in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and cross-border regions]. Proc. of the International Conference. Tomsk. pp. 176–178. (In Russian).
10. Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., & Gorbunova, T.G. (2011) *Altay v epokhu srednevekov'ya: illyustrirovannyi istoricheskiy atlas* [Altai in the Middle Ages: An Illustrated Historical Atlas]. Barnaul: ARKTIKA.
11. Adamov, A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob Region in the 10th – 14th centuries]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University.
12. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkhologicheskim istochnikam)* [The Tomsk Ob region in the early 2nd millennium AD]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura)* [The Upper Ob at the turn of epochs (The Basandayka culture)]. Novosibirsk: SB RAS.

14. Ilyushin, A.M. (2005) *Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya* [Ethno-cultural history of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbas State Technical University.
15. Khudyakov, Yu.S. (1982) *Kyrgyzy na Tabate* [The Kyrgyz on Tabata]. Novosibirsk: Nauka.
16. Kyzlasov, I.L. (1983) *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv.* [The Askiz culture of South Siberia in the 10th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.
17. Fokin, S.M. (2007) *Kul'turno-istoricheskie protsessy v rannem i razvito srednevekov'e Krasnoyarskoy lesostepi* [Cultural and historical processes in the early Middle Ages and the development of the Krasnoyarsk forest steppe]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
18. Nikolaev, V.S. (2004) *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov yuga Sredney Sibiri v XII–XIV vekakh* [Funerary complex of the nomads in the south central Siberia in the 12th – 14th century]. Vladivostok: Irkutsk.
19. Mogilnikov, V.A. (1981) Kimaki [The Kimaks]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 43–45.
20. Mogilnikov, V.A. (2002) *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh* [The nomads of the north-western foothills of the Altai in the 9th – 11th centuries]. Moscow: Nauka.
21. Dashkovskiy, P.K. (2015) *Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noy Azii* [The Kyrgyz in the Altai in the context of ethnic and cultural processes in Central Asia]. Barnaul: Altai State University.
22. Khudyakov, Yu.S. (2004) O proiskhozhdenii kul'tury srednevekovykh kypchakov [On the origin of the medieval Kipchak culture]. In: Soyonov, V.I. (ed.) *Drevnosti Altaya* [The Altai Antiquities]. Gorno-Altaysk: Altai State University. pp. 138–153.
23. Arslanova, F.Kh. & Samashev, Z.S. (1986) Kurgany kimakov v Semipalatinskom Priirtysh'e [The Kimak Mounds on the Irtysh near Semipalatinsk]. In: Kuzeev, R.G. (ed.) *Problemy srednevekovoy arkheologii Urala i Povolzh'ya* [Problems of medieval archeology of the Urals and the Volga region]. Ufa: USSR AS. pp. 122–133.
24. Arslanova, F.Kh. (2012) *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verkhnego priirtysh'ya* [Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh]. Astana: Institute of Archaeology named after O.H. Margulan in Astana. pp. 130–132.
25. Trifonov, Yu.I., Alekhin, Yu.P. & Ilyushin, A.M. (1998) Novye arkheologicheskie materialy po istorii kypchakov Kazakhstana [New archaeological materials on the history of the Kipchak in Kazakhstan]. In: *Voprosy arkheologii Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Problems of archeology of North and Central Asia]. Kemerovo; Gurievsk: Kuzbass State Technial University. pp. 220–233.
26. Ilyushin, A.M. (2010) On the Kypchak constituent in the culture of the mediaeval population of the Kuznetsk hollow (based on the materials of Shabanovo 9 excavations). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 1. pp. 97–106. (In Russian).
27. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnyeturkskuyu epokhu* [The peoples of South Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad: Leningrad State University.
28. Klyashtorny, S.G. & Savinov, D.G. (2005) *Stepnye imperii drevney Evrazii* [The steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
29. Ilyushin, A.M. (1993) *Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat* [The Mounds of medieval nomads in the valley of the Bachat River]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
30. Ilyushin, A.M. (2014) *Kurgany kyshtymov v doline Ura* [The Kyshtym mounds in the Ur valley]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University.
31. Kudryashov, K.V. (1948) *Polovetskaya step'* [The Cuman steppe]. Moscow: The State Publishing House of Geographical Literature.
32. Kumekov, B.E. (1972) *Gosudarstvo kimakov IX–X vv. po arabskim istochnikam* [The Kimaks State in the 9th – 10th centuries in the Arabian sources]. Alma-Ata: Nauka.
33. Akhinzhanov, S.M. (1980) Iz istorii dvizheniya kochevykh plemen Evraziyskikh stepey v pervoy polovine XI veka [From the history of nomad migration in the Eurasian steppes in the early 11th century]. In: Akishev, K.A. *Arkheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazakhstana* [Archaeological studies of ancient and medieval Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. pp. 46–53.
34. Akhinzhanov, S.M. (1999) *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan]. Almaty: Fylm.
35. Mogilnikov, V.A. (1981a) Pamyatniki kochevnikov Sibiri i Sredney Azii X–XII vv. [Nomadic monuments in Siberia and Central Asia in the 10th – 12th centuries]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 190–193.
36. Mogilnikov, V.A. (1981b) Pamyatniki kochevnikov Sibiri i Sredney Azii XIII–XIV vv. [Nomadic monuments in Siberia and Central Asia in the 13th – 14th centuries]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 194–200.
37. Kyzlasov, I.L. (1981) Askizskaya kul'tura (srednevekovye khakasy X–XIV vv.) [The Askiz culture (Medieval Khakasses in the 10th – 14th centuries)]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 200–207.
38. Ivanov, V.A. & Kriger, V.A. (1988) *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [The Kipchak mounds in the Southern Urals (the 12th – 14th centuries)]. Moscow: Nauka.
39. Pletneva, S.A. (2003) *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epokhu srednevekov'ya (IV–XIII veka)* [Nomads of the southern Russian steppes in the Middle Ages (the 4th – 13th centuries)]. Voronezh: Voronezh State University.
40. Bisembayev, A.A. (2000) *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov srednevekov'ya Zapadnogo Kazakhstana (VIII–XVIII vv.)* [The funeral rite of the medieval nomads in Western Kazakhstan (the 8th – 18th centuries)]. History Cand. Diss. Almaty, 2000. 160 s.
41. Ivanov, V.A., Garustovich, G.N. & Pilipchuk, Ya.V. (2014) *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii* [Medieval nomads on the border of Europe and Asia]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University.
42. Ilyushin, A.M. (2009) [On the eastern border of the Golden Horde]. *Idel' – Altay: istoki evraziyskoy tsivilizatsii* [Idel – Altai: The origin of Eurasian civilization]. Proc. of the International Conference. Kazan: Kazan Institute of History. pp. 109–111. (In Russian).
43. Ilyushin, A.M. (2010) Vostochnye kipchaki i Zolotaya Orda (k voprosu o granitsakh ulusa Dzhuchi) [Eastern Kipchak and the Golden Horde (about the borders of the Jochi Ulus)]. In: Baytanaev, B.A. (ed.) *Kazakhstan i Evraziya skvoz' veka: istoriya, arkheologiya, kul'turnoe nasledie* [Kazakhstan and Eurasia through the centuries: History, archeology, cultural heritage]. Almaty: Arkheologicheskaya ekspertiza. pp. 194–200.
44. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (2004) *Arkheologiya Zapadno-Sibirskoy ravniny* [Archaeology of the West Siberian Plain]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
45. Ilyushin, A.M. (1998) Basandayskaya etnokul'turnaya obshchnost' na territorii Verkhnego Priob'ya v period razvito srednevekov'ya (po materialam Kuznetskoy kotloviny) [The Basandayka ethnocultural community in the Upper Ob region during the Middle Ages a case study of the Kuznetsk basin]. In: Zakharova, I.V. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and cross-border regions]. Omsk: Omsk State University. pp. 91–94.
46. Ilyushin, A.M. (2011) Basandayskaya etnokul'turnaya obshchnost' kak Verkhneobskaya orda vostochnogo Desht-i-Kypchak [The Basandayka ethnocultural community as the Upper Ob horde of the Eastern Dasht-i-Kipchak]. In: Myagkov, D.A., Seleznev, A.G., Seleznev, I.A., Tataurov, S.F. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii* [Ethnic history and culture of the Turkic peoples of Eurasia]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 130–132.
47. Belikova, O.B. (1996) *Srednee Prichulye v X–XIII vv.* [The Middle Chulyum Region in the 10th – 13th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
48. Konstantinov, I.V. (1975) Proiskhozhdenie yakutskogo naroda i ego kul'tury [The origin of the Yakut people and its culture]. In: Mochanov, Yu.A. (ed.) *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti* [Yakutia and its neighbors in the past]. Yakutsk: SB RAS. pp. 106–173.
49. Dashibalov, B.B. (2004) Buryatskie pogrebeniya XVI–XVII vv. (kypchaki v etnogeneze buryat i yakutov) [Buryat burials of the 16th – 17th centuries. (The Kipchaks in the ethnogenesis of the Yakuts and Buryats)]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integrating Archaeological And Ethnographic Research]. Almaty; Omsk: Nauka. pp. 185–186.